

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ

ИРИНА
ЧАЙКОВСКАЯ
Бостон

Дело о деньгах

Из тайных записок Авдотьи Панаевой

8

Наутро Н. должен был ехать в Петербург — договариваться с Плет-м об аренде «Современника». П., хороший друг Плет-а, вскорости должен был присоединиться к переговорам. Вопрос о деньгах кое-как был решен. Н. надеялся на кредиты, получать которые был он мастер, большую сумму давал П., для чего должен был продать наследственный лес. Обещали помощь казанские помещики, наши радушные хозяева в то лето. Жена Г-а, та самая «романтическая героиня», что не слишком понравилась мне в Москве, прислала на издание журнала 5 тысяч рублей. Все демократические литераторы, весь так называемый «кружок Б-го», находились в состоянии тревожного ожидания — как-то пойдет дело? Волновалась и я, так как принимала дело журнала близко к сердцу.

После вечернего чая П. и братья Н. отправились к цыганам, разбившим свой табор на речном берегу, неподалеку от нашей деревеньки. Н. с ними ехать не захотел и предложил мне прогуляться. Я не отказалась. Мы вышли к реке и свернули к ее берегу, вдоль которого, над кручей, тянулся редкий березняк. Неподалеку, за березняком, располага-

лась деревенька, оттуда не доносилось ни звука. Было около 6 вечера, небо оставалось еще светлым, солнце заметно пекло. На мне была круглая соломенная шляпа с широкими полями, спасавшими от прямых солнечных лучей. Н. вел меня вверх по тропе, выходящей на лесистый пригорок. На самой его вершине мы остановились. Вокруг под легким ветерком шелестели березки, внизу под обрывом река несла свои спокойные воды. Спокойные ли? Вон там, в середине течения, возле крошечного островка, бурлила и дробилась о камни быстрина. Н. растянулся на траве, обнял рукою березку. Я оглядывала холм. Мы оба молчали. Сорвав в траве ромашку, Н. принялся обрывать ее лепестки, шевеля губами. Когда оборвал последний, со значением взглянул на меня и сказал утвердительно, словно геометр, уверенный в доказательстве: «Вы меня любите».

— Да? — засмеялась я.

— Не смейтесь, даже если сейчас не любите — полюбите обязательно. Я сумею завоевать ваше сердце.

Он помолчал, пристально глядя на меня из своего зеленого уголка, и продолжал: «К тому же, у вас просто нет иного выхода, неужели вы предпочтете быть женой человека, к вам совершенно равнодушного?» Наверное, он испугался моего взгля-

да, потому что проворно вскочил на ноги и встал рядом со мною на макушке холма:

— Прошу прощения, если нечаянно вас обидел, я люблю Ивана, мы с ним друзья, но только слепой не увидит, что он, что вы...

Он смеялся и заговорил уже по-другому, очень быстрым горячным шепотом, наклонившись ко мне.

— Евдокия, Дуня, поверьте мне, я вас не обману. Всю жизнь, всю мою несчастную жизнь был я одинок, не пригрет, не обласкан. Всю жизнь озирался вокруг — искал такую, какой была матушка, горячее любящее сердце, — и не находил. И как в первый раз вас увидел — прошло меня словно иголкой: она. Вы — княжна моя персидская, вы — моя муза. Клянусь, вы не пожалеете, если пойдете со мной. Мне всего 25 лет, я еще молод, будете вы рядом — много чего смогу: сделаю «Современник» лучшим российским журналом, поэму напишу — что там Лермонтов! Не смейтесь, во мне ведь и вправду силы сидят громадные. Если пойдете со мной — и мои силы к жизни вызовете, да и своим найдете применение. Сколько дела для вас найдется. Будете помогать, делить труды, чтобы не пропадали в бездействии ни ум ваш, ни ваша деловитость, ни сердечная отзывчивость. Полюбите меня — и я открою перед вами новые дороги, новые берега, — он взмахнул рукой, словно за этой раскинувшейся перед нами речкой видел берега какой-то другой реки, мною не виданной. Быстро на меня взглянув и перехватив мой полный сомнения взгляд, закончил почти умоляюще:

— Пожалуйста, не смотрите так насмешливо. Не нужно иронии. Лучше пока ничего не говорите. Подумайте. Завтра я еду в Петербург. Там решится судьба «Современника». Пусть там решится и моя судьба. Прошу вас, напишите мне туда только одно слово — *да* или *нет*.

9

Возвращались домой, когда уже опускался вечер, солнце садилось, но небо было по-прежнему светлым, в легких перышках облаков. На подходе к усадьбе, слышали мы поющие детские голоса — это крестьянские дети играли на большой по-

¹ Продолжение. Начало в №6, 16-31 марта 2007 г.

ляне, отделяющей усадьбу от реки и деревеньки. Мы подошли поближе. Игра была мне хорошо знакома: две цепочки детей шли встречу друг другу и пели каждая в свой черед.

— Бояре, а мы к вам пришли, молодые, а мы к вам пришли.

— Бояре, вы зачем пришли? Молодые, вы зачем пришли?

— Бояре, мы невесту выбирать, молодые, мы невесту выбирать.

— Бояре, а которая вам мила, молодые, а которая вам мила?

— Бояре, нам вот эта мила, молодые, нам вот эта мила.

— Бояре, она дуручка у нас, молодые, она дуручка у нас.

— Бояре, а мы плеточкой ее, молодые, а мы плеточкой ее...

Девочка, которую хотела взять к себе в невесты правая цепочка, была уже точно невеста — высокая, статная, полногрудая, со светлой косой. Она сильно отличалась ростом и сложением от соседствующей с нею мелкоты. Мы с Н-м остановились неподалеку от играющих, следя за происходящим. Девушка весело улыбалась и беспрестанно оглядывалась по сторонам, словно кого-то отыскивая. При громком крике: «Зинка, беги!» под свист и гогот ребятиг бросилась она бежать по направлению к правой цепочке. Вырваться ей удалось почти сразу, хотя сопливая мелюзга хватала ее за руки и пыталась подставить подножку, — девушка с редким проворством освободилась от хватающих ее ручонок и кинулась прочь. Правую цепочку составляли такие же мелкие ребятишки, как и левую, за исключением одного паренька. Он был под стать Зинке, может, чуть ее помладше, чернявый, темноглазый, вертлявый, с косыми скулами.

— Муха, держи ее, — раздались голоса, я поняла, что Мухой звали чернявого подростка. Зинка бежала не к нему, а левее, туда, где всякий определил бы слабое место цепочки — две маленьких, похожих друг на дружку как две капли воды девчушки, крепко сцепивших ладошки, с выражением ужаса на смазливых загорелых личиках.

Крупная Зинка вихрем пронеслась между ними, без труда разомкнув детские ручонки. Вся ребятня

из двух цепочек бросилась вдогонку за Зинкой, ближе всех к ней был Муха. Мы с Н-м, подстегиваемые любопытством, двинулись следом за детьми — в направлении к усадьбе. Зинка бежала как молодая упругая козочка, следом вихрем-скакуном мчался Муха. Большая часть детишек разбежалась кто куда, остальные присоединились к деревенским бабам и молодым мужикам, пришедшим на гулянку под окна барского дома и ставшим невольными зрителями детской игры. Отовсюду на все голоса неслось: «Держи, держи ее, малец» и «Зинка, не давайся, беги».

Все разрешилось неожиданно — Зинка, не успевшая даже ойкнуть, на всем бегу оказалась в объятиях вышедшего ей навстречу с раскинутыми руками молодого ладного мужика. В одной руке мужик нес домру, другой схватил девушку за плечо и заставил остановиться, а потом с силой наклонил к себе и поцеловал в губы. Бабы ахнули, мужики загоготали, какая-то старуха истошно завопила: «Симка, бес проклятый, ты че у своо собственного парня невесту корогодишь?» Раскрасневшаяся Зинка змейкой выскользнула из-под Симкиной руки и только ее и видели. Мы с Н-м поспешили войти в дом.

Н. пошел собирать вещи, я накинула шаль, села у окна с вышиваньем, то и дело взглядывая на улицу — на площадке перед домом началась деревенская гулянка.

Становилось темно, и мне, в отсутствии хозяев, пришлось приказать зажечь газовые фонари перед фасадом. Я же сидела в темноте. В поле моего зрения в круге света от фонаря верхом на бочке восседал давешний Симка и с большим искусством то наигрывал на своей домре, то крутил ее над головой, ловко подхватывая в воздухе, чтобы затем, как ни в чем не бывало, продолжить прерванную игру. Слышались возгласы одобрения. Затем до слуха моего донеслась плясовая, которую дружно затанули бабы. Несколько баб и мужиков, среди них Симка со своей домрой, выскочили в круг. Задорный женский голос громко позвал: «Зинка, подь сюды, чего спряталась?»

В круге света появилась Зинка, в накинутах на голые плечики цветастом платке, вокруг нее заплясал, запрыгал вприсядку мужичок с дом-

рой. «Вдоль да по речке вдоль да по Казанке, — гремел бабий хор, — серый селезень плывет. Вдоль да по бережку, вдоль да по крутому добрый молодец идет». Веселый мотив затагивал. Я задернула занавеску на окне, сдернула с плеч шаль и прошла по темной гостиной в такт доносившейся песне.

*Сам он со кудрями,
Сам он со русыми
Разговаривает:
«Кому мои кудри,
Кому мои русы
Достанутся расчесать?»*

Вся моя неприкаянная жизнь с П-м, вся моя печаль-тоска, накопленная за годы замужества, все, казалось, вылилось в эту мою одинокую пляску.

*Доставались кудри, доставались русы
Красной девице чесать,
Уж она и чешет, уж она и гладит,
Волос к волосу кладет.*

Ох, Ваня, не мне досталось чесать твои кудри. Моя ли в том вина?

Опомнилась я, только когда увидела перед собою старика Антона с масляной лампой в руках. Гостиная осветилась, на старинных деревянных часах, висящих на стене передо мною, было почти 9 вечера. Как долго тянулся этот летний день! Я спросила Антона, вынесли ли на двор обычное угощенье для крестьян, выставленное помещиками, — водку для мужиков, орешки и сласти для баб.

— А как же, боярыня вы наша, все вынесено, даром что хозяев нет, распоряжение от их дадено.

Поклонившись, он вышел. Я прислушалась: звуки гулянки затихали, не слышно было уже ни Симкиной домры, ни бабьего хора. Занудливый пьяный мужской голос за окном повторял беспрестанно одно и то же: «Эй, Муха, тащи его. Слышь, Муха, тащи его, ты чего? Тащи, говорю! Твой батька, не мой».

— Авдотья Яковлевна, можно к вам?

Я подняла голову — в дверях стоял Н. Мне показалось, что еще минута — и он бросится ко мне и поцелует в губы, как Симка Зинку, но самое страшное было то, что я не

смогу, не захочу ему противиться.

— Нельзя, Н-в. Ко мне нельзя. Вы же сами сказали, что я должна подумать. Вот я и думаю. Идите спать — завтра вам вставать рано. Спокойной ночи.

— Какая уж тут спокойная ночь, Авдотья Яковлевна! Но думаю, что и вам сегодня не до сна будет.

Дверь закрылась.

П. и хозяева вернулись от цыган в 2 часа ночи. Все это время я сидела в гостиной, то и дело взглядывая на стенные часы. Проходя через гостиную на не слишком твердых ногах, П. остановился передо мной в удивлении.

— Что, Дуня, не спится? Боюсь, что и я не засну. Эти цыгане, и особенно таборные цыганки, в них есть какая-то магия. Одна мне гадала и, представь, сказала, что на этих днях должна решиться моя судьба.

Он зевнул, потянулся и уже уходя в спальню закончил: «Я уверен, что это связано с «Современником». Вдруг он остановился и, словно в чем-то засомневавшись, повернулся ко мне лицом. «А ты, Дуня, что об этом думаешь?»

— Спокойной ночи, Жан. Конечно, это связано с «Современником».

Успокоенный, он отправился в спальню. А я подумала, что в последнее время его густые русые кудри заметно поредели.

10

С того времени прошло 43 года, целая жизнь. Жалею ли я, что выбрала Н-а? Ничего не повернешь назад, и все, что случилось, — случилось. Благодаря Н-у и его журналу, жизнь моя приобрела исторический смысл, обо мне будут знать русские люди в последующих поколениях. Но обиды — человеческие, женские обиды — они остаются, пусть они никому не видны и никому не ведомы.

Тогда, при получении известия о приобретении «Современника», написала я Ване в Петербург большое письмо. Вложила в конверт запечатанную записку — «для Н-а». В ней было несколько слов: «Поздравляю вас с «Современником». Что до вашего вопроса, отвечу на него сама, когда увидимся». ♦